

2004 г. Я.Е. ВОДАРСКИЙ

(доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН)

ЛЕГЕНДЫ ПРУТСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I (1711 г.)

Прутский поход 1711г. явился главным событием русско-турецкой войны 1710-1714 гг. Русская армия, которой командовал номинально Б.П. Шереметев, а фактически сам царь Петр, попала в тяжелое положение, оказавшись окруженной численно превосходившим ее турецко-татарским войском во главе с великим визирем и крымским ханом на берегу реки Прут. Петр вынужден был заключить мир, по условиям которого возвратил Турции крепость Азов, взятую им в 1696г.

Эти драматические события в воспоминаниях участников похода и других современников отражены противоречиво и неточно, вокруг них сложились легенды, которые до сих пор некритично излагаются историками. Пишут, что русской армии, окруженной турками и татарами, грозило полное истребление; что до заключения мира Петр написал в Сенат, чтобы в случае его пленения сенаторы выбрали из своего состава нового царя (невзирая на наличие царевича Алексея); что переговоры с турками были безуспешными, и тогда будущая императрица Екатерина I, не спросив разрешения мужа, созвала военный совет и уговорила Петра послать еще одно письмо визирю с просьбой о мире; что она втайне от царя послала визирю с этим письмом все свои драгоценности; что подкупленный визирь, соблазненный блеском бриллиантов, согласился заключить мир; что одной из причин согласия визиря явилось взятие Браилова генералом Ренне и т.д. Обходятся вопросы о том, почему русская армия была застигнута турками на марше; почему в Прутском мирном договоре не оказалось никаких условий в пользу Швеции, хотя нашедший убежище в Турции Карл XII приложил много усилий, чтобы побудить султана начать войну с Россией, а также почему оказались опубликованными два официальных варианта договора.

Я критически изучил опубликованные и архивные материалы: указы и переписку Петра I, донесения русских и иностранных дипломатов, генералов и тайных агентов, воспоминания участников похода, труды историков и попытался восстановить ход событий по дням и часам. Кратко результаты этой работы были изложены мною в комментариях к тексту «Писем и бумаг императора Петра Великого» (Т. XI, вып. 1), в рецензии на статью турецкого историка Курата и в статье о походе в одном из провинциальных сборников¹, но, судя по всему, они остались незамеченными, поскольку легенды и неточности повторяются в справочниках, трудах историков научно-популярных работах. Поэтому мне представляется полезным дать свою, обобщенную и дополненную, по сравнению с опубликованными работами, версию событий и возникновения легенд.

О Прутском походе до сих пор имеется только одна специальная работа - 2-томное исследование А.-Н. Курата «Прутский поход и мир», вышедшее в 1951-1952 гг. на турецком языке. Ее основные положения были изложены им в 1962 г. в статье на немецком языке². Исследование Курата фундаментально: он использовал массу источников, в том числе опубликованные и неопубликованные донесения дипломатов, материалы из турецких архивов (из фондов великих визирей, участника похода чиновника государственной казны Ахмеда бин Махмуда и др.), работы турецких, русских, немецких, шведских и польских историков. В труде Курата содержатся важные выводы о цели, к которой стремились турки, начиная войну, о выработке условий мира, о численности турецко-татарского войска и т.п. Но Курату остались неизвестными многие источники, особенно из числа хранящихся в российских архивах и опубликованных уже после выхода в свет его работ, и он сам признал (в своей статье), что многое здесь остается еще неразъясненным. В частности, Курат не смог объяснить некоторых противоречий и недоумений, возникающих при чтении официальных документов, писем и мемуаров современников и сочинений историков; неверно передал выдвинутые первоначально

турками условия мира; полагал, что турки упустили благоприятный момент из-за своего корыстолюбия, и хотя прямо не сказал о решающей роли подкупа визиря, все же подчеркнул его большое значение. Он ошибочно сообщил также, что драгоценности для визиря прибыли в турецкий лагерь до заключения мира; повторил легенду о решающей роли Екатерины; не объяснил, почему текст Прутского мирного договора опубликован в двух вариантах и т.п. Несмотря на перечисленные недостатки, на сегодняшний день это самая полная и подробная работа по истории Прутского похода, автор которой не только ввел в научный оборот новые сведения из неизвестных ранее источников, но также сделал ценные наблюдения и выводы.

Кроме того, история похода кратко освещается в соответствующих разделах обобщающих трудов, в работах, где рассматриваются смежные проблемы, в биографиях Петра и других деятелей эпохи. Лучшим его описанием до сих пор является раздел в работе С.Ф. Орешковой о русско-турецких отношениях в начале XVIII в., основанный на изучении большого круга источников, в том числе турецких³. Однако и она, и другие исследователи не объясняют противоречия в источниках и повторяют старые легенды.

Рамки статьи заставляют ограничиться выяснением лишь наиболее существенных вопросов: 1) Действительно ли, попав в окружение, Петр так растерялся, что Екатерине пришлось самой созвать военный совет, добиться на нем решения предложить мир и послать подканцлера П.П. Шафирова, снабдив его своими драгоценностями для подкупа великого визиря, и если нет, то как, когда и почему возникла легенда о роли Екатерины? 2) Был ли подкуп главной причиной того, что великий визирь согласился заключить мир и не выдвинул условий в пользу Карла XII, и если нет, то каковы же были эти причины и как, когда и где возникла легенда о решающей роли подкупа великого визиря? 3) Подделка ли так называемое «письмо Петра Великого с берегов Прута», в котором он приказал Сенату в случае своего пленения турками избрать из числа сенаторов нового царя, и если да, то кто и зачем его подделал?

На следующие вопросы будут даны краткие ответы с указанием источников, позволяющих подробно их обосновать: 1) Почему русская армия была застигнута турками на марше? 2) Почему в источниках указывается разная численность турецко-татарского войска: а) 120 тыс. турок и 20-30 тыс. татар и б) 270 тыс. турок и татар, вместе взятых? Какова была истинная численность, и откуда взялась ложная? 3) Оказало ли влияние взятие русским отрядом крепости Браилов на Дунае в тылу у турок на согласие великого визиря заключить мир и на его условия? 4) Какой из двух существенно различающихся вариантов текста Прутского мирного договора подлинный, почему появился второй?

Почему русская армия оказалась застигнутой на марше и какова была численность армий обеих сторон?

Петр давно уже вел переговоры с господарями Молдавии Д. Кантемиром и Валахии К. Бранкованом об их переходе на сторону России. Когда русская армия в конце июня 1711г. подошла к Яссам, Кантемир приехал в русский лагерь, но привел с собою всего 6 тыс. человек, плохо вооруженных и необученных⁴. В сложившейся ситуации Петр мог действовать двояко: ждать турок на Днестре, дав им возможность разгромить валашское ополчение в случае его выступления против них, или идти навстречу неприятелю в надежде на присоединение Бранкована с войском и продовольствием. Петр выбрал второй вариант, не представляя себе трудностей похода по опустошенной саранчой стране⁵, да еще при активных действиях значительно превосходящих сил турецко-татарской конницы. Главная армия выступила в поход по правому (северному) берегу Прута, а в Валахию к крепости Браилов на Дунае был послан конный отряд генерала К. Ренне, чтобы побудить Бранкована перейти на сторону России. В отряд вошло 5600 человек (половина русской конницы)⁶. Но поскольку турецкое войско уже подошло к границам Валахии, Бранкован остался на стороне турок. Впоследствии Петр сам признал, что «сей марш» был «зело отчаянно учинен для обнадеживания господаря мултыанского»⁷.

Получив сведения о движении турок по левому (южному) берегу Прута, 7 июля Петр отдал приказ генералу Янусу фон Эбершtedту, командовавшему кавалерией, продвинуться вперед и помешать туркам переправиться через Прут: важно было выиграть время, чтобы Ренне

взял Браилов и побудил Бранкована выступить против турок у них в тылу. Как пишет Моро, «выслушав приказ и хорошо его поняв, мы приступили к исполнению одного, хотя генерал и я не без без смеха видели, что употреблены были драгуны и кавалерия на атаку укрепленных мостов»⁸. Через несколько миль отряд неожиданно наткнулся на предмостное укрепление. Вместо того, чтобы атаковать, Янус, нарушив приказ Петра, приказал отступить. Турецкая конница и татары немедленно бросились в атаку, отряду пришлось построиться в каре и медленно отходить, отражая их наскоки. Петру Янус сообщил, что его атакуют янычары с артиллерией (что было неправдой), вечером он послал еще одно письмо, и Петр выслал ему на помощь пехотную дивизию⁹.

Между тем увиденные 7 июля Янусом и Моро мосты были ложными: настоящие были наведены лишь на следующий день, и визирь из осторожности 8-го переправил конницу (татары переправлялись вплавь) и только 9-го - пехоту (янычар), а вся артиллерия перешла реку только в ночь на 10 июля¹⁰. В результате русская армия оказалась застигнутой на марше и, потеряв часть обоза, была вынуждена отступить, подвергаясь непрерывным атакам неприятельской конницы. 9 июля, около двух часов дня, от усталости ей пришлось остановиться на неудобной позиции на берегу Прута.

Приказ Петра, вызвавший смех Януса и Моро, был реален. Об этом свидетельствуют действия генерала Ренне: он осадил и взял штурмом не какое-то предмостное укрепление, а крепость Браилов на Дунае. Правда, Ренне уже долго служил под командованием Петра и, очевидно, усвоил новые и передовые для того времени военные идеи русского полководца. Во всяком случае, ему-то «употребление» драгун для взятия крепости не показалось странным. Поэтому Петр имел все основания надеяться, что Янус сможет задержать переправу турок. Впоследствии он писал, что «тогда еще турки не перешли, но на той стороне были, и конечно б мог оной Янус их задержать, ежели бы сделал так, [как] доброму человеку надлежит»¹¹.

Русская армия оказалась в тяжелом положении: она была окружена турецко-татарской конницей, производившей непрерывные атаки, в долине на берегу Прута. К тому же на находящемся на противоположном берегу холме неприятель поставил пушки, которые, правда, не смогли нанести урона¹². В русской армии было 38 тыс. человек и 122 пушки, у противника, по подсчету Курата, - около 100-120 тыс. турок и 20-30 тыс. татар, а количество орудий достигало 255-407¹³. Численность же турок и татар в 270 тыс. человек, указанную в Поденной записке, сообщил Петру Шафиров со слов турок¹⁴. Ясно, что последним было выгодно ее зависить. Но самое опасное заключалось в том, что на 6.6 тыс. русских кавалеристов приходилось 57.8 тыс. турецких, не считая татар. Если учесть, что русская кавалерия уже не имела фуража, подножный корм был съеден, а пути подвоза отрезаны татарами, то сложившееся по вине генерала Януса положение нельзя было не признать критическим.

Легенда о решающей роли Екатерины в заключении мира

Вечером 9 июля янычары трижды атаковали русский лагерь и все 3 раза были отбиты. Но Петр не решился контратаковать из опасения, что турецко-татарская конница захватит обоз с продовольствием и амуницией. Янычары проявили незаурядную храбрость, но их начальникам не доставало военных знаний: атака велась на один участок русского лагеря, который Петр подкреплял людьми и пушками по мере необходимости. Но люди и лошади не отдыхали уже трое суток подряд, обоз с провиантом, шедший, к русской армии, был перехвачен татарами, армия была окружена со всех сторон, многие лошади пали, а уцелевшие уже несколько дней питались только листьями и корой деревьев. Но дисциплина среди солдат не пошатнулась, и армия продолжала оставаться грозной силой¹⁵.

С наступлением темноты янычары прекратили атаки¹⁶. Петр снова собрал военный совет, принявший решение атаковать турок ночью, но почти сразу же царь отменил его по той же причине, что и контратаку ранее.

Не было ничего удивительного в том, что Петр, осознавший, что он, победитель Карла XII, может потерпеть поражение и даже попасть в плен вместе с женой, на какое-то время потерял самообладание. Через несколько дней он писал, что «никогда как и почал служить, в такой десперации не были»¹⁷. Видимо, у него произошел нервный срыв, о котором из разных

источников узнали французский агент Ла Мотрей, находившийся в турецкой армии, и датский посол в России Юст Юль, приехавший к Петру в армию, вышедшую из Молдавии после заключения мира. Ла Мотрей пишет, что разговаривал с офицерами-шведами, поступившими после Полтавы на русскую службу и 10 июля перебежавшими к туркам. Шведы поведали ему следующее: вечером 9 июля «Петр растерялся и, сказав: "Я оказался в таком же тяжелом положении, как мой брат Карл под Полтавой", удалился в свою палатку..., запретив кому бы то ни было входить в нее. С ним либо случился обычный (по их словам) припадок, либо он его симулировал»¹⁸. Юст Юль записал в своем дневнике: «Как рассказывали мне, царь, будучи окружен турецкою армией, пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова. Большинство думало, что с ним удар»¹⁹.

Петр действительно был подвержен таким припадкам, при которых успокоить его могла только Екатерина. Но я не думаю, что в данном случае это был припадок. Просто, потеряв на какое-то время самообладание, Петр быстро пришел в себя и ушел в палатку обдумать, что предпринять в сложившихся условиях. О том, что произошло после этого, источники сообщают противоречивые сведения. Обобщая их, А.С. Пушкин в своих подготовительных текстах к «Истории Петра» после выписок о посылке к визирю письма с предложением заключить мир поместил следующую запись: «По другим известиям: Петр призвал к себе генералов, повелел им на другой день атаковать неприятеля, а сам ушел в свой шатер, повелев часовым никого не впускать. Тогда Екатерина собрала совет и предложила трактовать о мире. - Она вошла в его шатер - etc. Тогда послан унтер-офицер Шепелев, а царица отослала (тайно от Петра) деньги и алмазы в подарок визирю и кегае, его наместнику». После этого Пушкин написал: «Все эта вздор»²⁰. Курат не смог прояснить этот вопрос и вынужден был заявить: «Ясно одно - Екатерина сыграла определенную роль, однако ее не следует переоценивать»²¹.

Обратимся к источникам. Ла Мотрей после приведенного выше рассказа шведов-перебежчиков продолжает: «Они добавили, что после его [Петра] ухода генералы собрались на военный совет и пришли к выводу о том, что янычары боятся русских, поскольку не возобновляют своих атак, как это было накануне вечером. Поэтому генералы приняли решение самим напасть на турок, и если даже не удастся одержать победу, то, может быть, замешательство неприятеля облегчит отступление. Шафиров возразил, что это будет отчаянной попыткой, которая может стать последним шансом на спасение, и что он бы предложил вступить в переговоры с визирем о прекращении кровопролития для соглашения. Его совет был принят, И так как царица была единственной, кого не касался запрет царя [входить к нему в палатку], было выражено пожелание, чтобы именно она передала царю то предложение, что она успешно исполнила. Повидимому, понадобилась большая настойчивость, чтобы добиться приказа от царя фельдмаршалу Шереметеву написать письмо визирю»²². Во второй книге своих воспоминаний Ла Мотрей изложил приведенную версию шведских офицеров с уточнением: «Царица... привела в палатку, где находился царь, не желавший никого видеть, его советников и употребила свое влияние, чтобы добиться его согласия предавать Шафирову полномочия для заключения мира». Тут же в примечании он подчеркнул: «Все, что сделала царица..., это привела к нему в палатку, где он пребывал в одиночестве, советников»²³.

Но есть прямое свидетельство о военном совете, на котором было принято решение вступить в переговоры с турками. Приглашенный на него Янус взял с собою Моро, который и рассказал о нем: 10 июля «около девяти часов утра... государь, генерал Янус, генерал-поручик Остен и фельдмаршал держали долгое тайное совещание. Потом они все подошли к генералу барону Аларту, лежавшему в карете по причине раны, им полученной, и тут... положено было, что фельдмаршал будет писать к великому визирю, прося от него перемирия, дабы безопасно приступить к примирению обоих государей. Трубач генерала Януса отправился с письмом, и мы ожидали ответа, каждый на своем посту»²⁴. Рассказ Моро подтверждает Аларт, который привел в своем дневнике, опубликованном Куратом, решение этого военного совета: «Предложить великому визирю перемирие, чтобы договориться о вечном мире с султаном. Если же визирь на это не согласится, то сжечь и уничтожить обозы, соорудить из немногих повозок вагенбург и поместить в нем волохов и казаков, усилив их несколькими тысячами человек пехоты. С армией же... атаковать неприятеля»²⁵.

Кроме того, известие, подтверждающее сообщения Моро и Аларта, есть у Ла Мотрея. Он пишет, что для обеспечения выполнения условий Прутского мирного договора турки потребовали, чтобы русские послы поехали в Стамбул в качестве заложников. Петр дал им охрану из русских офицеров. Ла Мотрей познакомился с ними и рассказал им о версии шведов. Русские офицеры, пишет он, «которые, по их словам, находились при особе царя..., опровергали все эти подробности как выдумку и утверждали, что царь вел себя геройски, что обычно он выполнял обязанности генерал-лейтенанта, но, видя тяжелое положение дел, принял на себя всю полноту власти и созвал генералов на военный совет под своим председательством, на котором было решено, что фельдмаршал Шереметев напишет письмо визирю с предложением приемлемых условий мира. Письмо было отправлено с трубачом генерала Януса»²⁶.

Таким образом, несомненно, что сообщения Моро, Аларта и русских офицеров у Ла Мотрея являются достоверными, причем о Екатерине и Шафирове они не упоминают, хотя странно, что ответственное решение перейти от военных действий к дипломатии принималось без участия канцлера Головкина и подканцлера Шафирова. Итак, можно считать установленным, что Петр ушел в свою палатку. Скорее всего, Екатерина уже была там или вошла туда вслед за ним, чтобы его успокоить. Далее, с одной стороны, сообщается, что после ухода Петра в палатку, т.е. вечером 9 июля, Екатерина созвала совет, на котором она или Шафиров внесли предложение вступить в переговоры, и совет принял решение предложить туркам мир, написать письмо от имени Шереметева и поручить ведение переговоров Шафирову, после чего Екатерина привела генералов и Шафирова в палатку к Петру для утверждения этого решения. С другой стороны, установлено, что: а) утром 10 июля состоялся военный совет, проведенный самим Петром, на котором не было ни русских генералов, кроме Шереметева, ни Екатерины с Шафировым, но на котором было принято решение послать к визирю парламентаря с письмом Шереметева, содержащим предложение вступить в переговоры, и б) 9 июля, т.е. накануне этого совета, Шафиров получил инструкцию по ведению переговоров (сохранился черновик с собственноручной правкой Петра)²⁷.

Из сопоставления этих данных напрашивается вывод, что состоялось два военных совета, первый - вечером 9 июля, второй - утром 10 июля. О втором совете мы знаем от Моро. О первом же - есть запись Аларта, где упоминается о тайном совете Петра с генералами и министрами, на котором было решено послать к туркам Шафирова. Она, правда, помещена после приведенных выше сведений о решении военного совета вступить в переговоры и послать трубача к визирю, но это явно другой совет, с иным составом участников²⁸. Кроме того, в донесении французского посла в России де Балюза от 11 сентября сообщается: «Уверяют..., что царь держал в своем лагере военный, совет, на который генерал Янус не был приглашен, что монарх этот, находясь в затруднении, отправился к нему, чтобы наедине узнать его мнение»²⁹. Последнее, как мы знаем из рассказа Моро, неверно, значит, эти сведения идут не от Моро (который, видим не знал о первом совете, без Януса). К тому же о своей встрече с Моро Балюз сообщил 30 сентября, следовательно, до 11-го они не виделись³⁰.

Попробуем восстановить ход событий. Итак, Петр ушел в палатку и решил (возможно, по совету Екатерины) вступить в переговоры с турками, а предварительно обсудить на совете возможные условия турок и кандидатуру посла. Черновик инструкции, Шафирову датирован 9 июля, следовательно, совет был созван немедленно, вечером 9 июля. Состав его участников прямо указан Алартом: генералы и министры. Косвенное подтверждение: отсутствие на совете утром 10 июля министров и русских генералов (Шереметев не в счет: он главнокомандующий), свидетельствующее, что вечером, 9 июля состоялся совет, на котором присутствовали только министры и русские генералы. Это вполне естественно: конечно, прежде чем обращаться к наемникам, надо было обсудить такой важный вопрос со своими.

Аларт назвал его тайным советом, может быть, потому, что он был созван втайне от иностранных генералов (в том числе и от Аларта), которых Петр собрал утром 10 июля уже после принятия им решения и назначения посланником Шафирова и этим вторым советом решение было тоже одобрено. Но советников надо было пригласить в палатку, и Петр, видимо, поручил Екатерине привести их. Перебежчики-шведы могли видеть, как Екатерина, выйдя из палатки, распорядилась найти министров и русских генералов. Появление у палатки генералов

наводит на мысль о военном совете. Отсюда и версия, что именно Екатерина созвала военный совет, на котором она же (или Шафиров) предложила вступить в переговоры с турками.

Известно, что Петр оценил поведение Екатерины в Прутском походе настолько высоко, что в 1714 г. специально для ее награждения учредил новый российский орден освобождения, переименовав его вскоре в орден святой великомученицы Екатерины (по уставу, этим орденом могли награждаться только женщины). При этом Петр сказал, что орден «учинен в память бытности ея величества в баталии с турки у Прута, где в такое опасное время не яко жена, но яко мужская персона видима всем была»³¹. Подтверждением этому служит сам орден: на нем изображена святая Екатерина с крестом, на котором первые буквы слов: «Господи], с[паси] ц[аря]», а на обратной стороне латинская надпись: «Трудами сравнивается с супругом»³². Кроме того, в манифесте 15 ноября 1723 г. о короновании Екатерины Петр упомянул о том, что Екатерина помогала ему в Северной войне и в Прутском сражении и «мужески, а не женски, поступала»³³.

Однако, может быть, Петр действительно до того растерялся, что Екатерине пришлось проявить инициативу: вызвать советников в палатку, выступить с предложением начать переговоры и побудить мужа послать к туркам Шафирова? Несомненно, Екатерина имела определенное (и немалое) влияние на Петра, но ничто не указывает, что она обладала государственным умом. Наоборот: став после смерти Петра императрицей, Екатерина была послушным орудием в руках Меншикова. И все же, будучи необразованной женщиной, она, бесспорно, обладала здравым умом и разбиралась в людях - иначе она не смогла бы так долго жить с таким сложным и неординарным человеком, каким был Петр, и пользоваться его уважением. Петр же, при всех своих недостатках, бесспорно, не боялся брать на себя ответственность за свои поступки. Поэтому невозможно представить себе, чтобы в присутствии Петра Екатерина могла принять какое-либо самостоятельное решение. Все, что мы знаем об их характерах и отношениях, не соответствует версии о решающей роли Екатерины в принятии решения предложить туркам заключить мир. Его принял, конечно, сам Петр, а совет это решение поддержал. Тут же была составлена инструкция Шафирову (с учетом требований турок, присланных в ноябре 1710 г.) и, вероятно, письмо от Шереметева визирю.

Почему турки согласились заключить мир?

Турки шли на войну с неохотой и страхом перед русскими войсками. Начиная ее, рассчитывали на помощь шведского корпуса, стоявшего в Померании (северной Германии). Турки придавали этому столь большое значение, что в требованиях, которые они прислали Петру в ноябре 1710 г., т.е. накануне объявления войны, был ряд пунктов в пользу шведов: «Расторгнуть совершенно союз, заключенный с Августом, признать Станислава королем Польским; возвратить всю Лифляндию и вообще всё, завоеванное русскими, шведскому королю, а Петербург разорить и срыть до основания¹; заключить наступательный и оборонительный союз с королями Карлом и Станиславом против Августа и выступить против него, если он возобновит притязания свои на польский престол, им уступленный Станиславу Лещинскому; возвратить натурой «ли иначе, все, что король шведский потерял через Полтавское сражение»³⁴.

Но шведам не удалось пополнить свой малочисленный померанский корпус, и они не рискнули прорываться сквозь заслонившие им путь русские войска. Ходили также слухи о том, что Карл посулил янычарам плату и обманул их³⁵. К нарушению королевских обещаний добавилась и личная неприязнь между визирем и королем: Карл потребовал командования над турецкой армией, ему, естественно, вежливо отказали, но пригласили сопровождать визиря в походе. Карл отверг это предложение и прислал вместо себя своего представителя - генерала Спарре и представителя польского короля С. Дещинского (назначенного Карлом XII) – генерала Понятовского. Тогда обиделся визирь и, по словам Понятовского, сказал крымскому хану, что он был уверен, что шведский король, «этот надменный нечестивец», никогда не окажет туркам такой чести - лично их сопровождать³⁶. Таким образом, рассчитывая на помощь Карла, турки вовсе не хотели сражаться за его интересы³⁷. Невыполнение шведами своих обязательств, страх турок перед русской армией и

опасение восстания балканских народов были причинами того, что султан дал великому визирю полномочие заключить мир на условиях, выгодных только туркам. А целью войны с их стороны, во всяком случае в 1711 г. перед началом выступления в поход, было возвращение Азова и уничтожение новопостроенных крепостей в Причерноморье. Поэтому вывод Курата о том, что турки, начиная военные действия, не имели серьезного намерения поддерживать Карла XII и желали избавиться от него, представляется вполне обоснованным³⁸.

Английский посол в Турции Р. Суттон сообщал 14 (25) июня: «Меня уверяют, что они [турки] уже начали дезертировать в значительном количестве... Кроме того, солдаты очень недовольны и подозреваются в возможности взбунтоваться»³⁹. Один из тайных информаторов Петра в Турции, Лука Барка, писал 22 июня: «Войско азийское, почитай, все пришло сюда, токмо остались там двое пашей. И за великой стыд себе причитают турки видеть такое войско, ибо народ плох, ободран, без ружья, и от далекого пути утомлен, и за тем на войну без сердца идут... Хотя войско турецкое есть многочисленно, однакож торопко, нерегулярно, без голов [начальников] умных, которое войско не имеет боязни ни от везира, ни от других офицеров»⁴⁰. 9 июля, когда турки окружили русскую армию, незадолго до захода солнца, писал Суттон, «к шатру визиря явился янычар и стал кричать: "Будем ли мы лежать здесь, пока не умрем от болезней в невзгод? Пусть все истинные мусульмане идут за мной сражаться с неверными!" Он схватил одно из знамен, стоявших у шатра, и побежал вперед. За ним немедленно последовали другие, схватив прочие знамена, и... собравшись вместе, с обычными криками в беспорядке бросились на врага. Видя такой беспорядок, визирь послал кегаю, с которым в тот момент беседовал и от кого я и узнал эти подробности, возглавить их». Генерал С. Понятовский добавляет в своих воспоминаниях: «Испуская дикие вопли, взывая, по своему обычаю, к богу многократными криками "алла, алла", они бросились на неприятеля с саблями в руках, и, конечно, прорвали бы фронт, если бы не рогатки, которые неприятель бросил перед ними... Сильный огонь почти в упор не только охладил пыл янычар, но и привел их в замешательство и принудил к поспешному отступлению. Кегая [заместитель великого визиря] и начальник янычар рубили саблями беглецов и старались остановить их и привести в порядок. Наиболее храбрые возобновили свои крики и атаковали во второй раз. Вторая атака была не такой сильной, как первая, и турки снова были вынуждены отступить». Третья атака тоже была отбита и тогда кегая сказал Понятовскому: «Мы рискуем быть разбитыми, и это неизбежно случится».

Янычар и турецкое командование охватила паника. Суттон писал, что «каждый раз они [турки] в беспорядке бежали обратно. После третьей атаки их замешательство и расстройство были так велики, что можно наверняка полагать, что если бы русские контратаковали их, то они бежали бы без всякого сопротивления». Начальник янычар сказал позднее султану: «И ежели бы Москва наступала, то бы они [турки] никогда места удержать не могли... уже турки задние почали было утекать, и ежели бы москвичи из лагара выступили, то бы и пушки и аммуницию турки покинули». Это подтверждает и Ла Мотрей, находившийся в турецкой армии: «Это так их [янычар] устало, что храбрость их покинула»⁴¹. И все же на рассвете 10 июля, когда подошла артиллерия они опять напали на русский лагерь и опять были отбиты. На приказ повторить атаку янычары, по словам Луки Барки, «все отказали, что они наступать не хотят и против огня московского стоять не могут». Суттон писал: «Отпор, данный русскими, так сильно поколебал храбрость турок, что им также не хотелось снова атаковать, как русским-подвергнуться атаке»⁴².

Получив письмо с предложением вступить в мирные переговоры, великий визирь и его окружение, будучи уверенными в силе русской армии, сочли это военной хитростью и не стали отвечать. Петр писал впоследствии: «Потом, когда ответом замешкалось, тогда послали к ним говорить, чтоб скорая дали отповедь короткою, хотят ли миру или нет, ибо более ждать не можем. Потом, когда и на ту посылку отповедь замешкалась, тогда велели полкам выступить. И когда сие учинилась, и наши несколько десятков сажен выступили, тогда от турков тотчас прислали, чтоб не ходили, ибо оне мир приемлют, и для того учинить унятие оружия, и чтоб прислали, с кем об оном мире трактовать»⁴³. Моро пишет, что он спросил одного из турецких пашей, присланных в русский лагерь для охраны уходившей армии от нападений татар: «По какой причине и на каких условиях заключили они мир? Он отвечал, что твердость наша их изумила, что они не думали найти в нас столь ужасных противников, что, судя по положению, в

котором мы находились, и по отступлению, нами совершенному, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить, и решились, не упуская времени, принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить... и что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почетных для султана и выгодных для его народа»⁴⁴.

Более того, по-видимому, у турок не было враждебных чувств к русским: Аларт пишет, что «турки стали очень дружелюбно относиться к нашим людям, разъезжали кругом нас верхом, приближались даже к самым рогаткам и разговаривали с нашими людьми, так что под конец пришлось поставить часовых... Часовых этих турки дарили табаком и печением, а те в отплату снабжали их водою, за которой туркам было далеко ходить». По ходу переговоров активность рядовых турок увеличивалась: Ла Мотрей рассказывает, что янычары, «не дожидаясь объявления о заключении мира, без разрешения бросились к русскому лагерю продавать провизию, называя русских словом "кардаш", т.е. братьями». Это подтверждает и Суттон⁴⁵. Была и еще одна причина опасения потерпеть поражение: когда Понятовский попытался давать советы кегае, тот ответил ему, «что если они будут иметь несчастье быть разбитыми, следуя новому способу вести бой, то вина за это несчастье падет на них, и им обоим отрубят головы: ему, кегае, - за то, что действовал, а Понятовскому - за то, что советовал ему». Таким образом, турки пошли на переговоры, потому что опасались проиграть сражение, и для этого у них были серьезные основания. Это понимали многие современники. Например, Даниель Дефо (знаменитый автор «Робинзона Крузо» и менее известный как один из организаторов английской разведки) в изданной в 1723 г. книге «Беспристрастная история жизни и деяний Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии», рассказывая о Прутском походе, писал, что визирь, оценив мужество русских, понял, что бой может кончиться поражением турок, и решил выяснить, нельзя ли воспользоваться сложившимся доложением. Выгодный мир мог бы предотвратить кровопролитие сейчас и в будущем, а также дальнейшие военные издержки⁴⁶.

Легенда о том, что на предъявленные турками условия мира повлиял подкуп великого визиря

Условия мира обсуждались на военном совете, созванном визирем. Произошло ли это до приезда Шафировова или после и был ли он принят после того, как совет выработал условия? Вот как Понятовский описывает прием Шафировова: «Объявили, что прибыли полномочные министры царя. Было условлено с графом Понятовским, что визирь их не примет и что их проведут в шатер его секретаря Умера-эффенди. Шатер был специально поставлен для этой цели... Но полномочные министры вместо того, чтобы сойти перед ним, сошли перед шатром великого визиря и были введены туда... При их появлении вместо суровой встречи были потребованы табуреты, чтобы усадить их... Естественно, им самим надлежало изложить цель их миссии, но великий визирь опередил их своим очень любезным приветствием и тем, что приказал усадить их. Затем визирь... велел спросить полномочных министров, зачем они пришли в государство султана»⁴⁷. Собственно, был один полномочный министр, Шафиров, а остальные - три переводчика (в том числе А.И. Остерман), подьячий и два курьера (одним из них был Д.П. Волынский)⁴⁸, но Понятовский, видимо, в такие подробности не вникал. Однако от него не ускользнуло, что русские были «изумлены такой мягкостью и таким приемом, которого они не ожидали».

Здесь нужно отметить три важные детали: во-первых, Шафиров не дожидаясь приема - его сразу принял сам великий визирь; во-вторых, их усадили, т.е. по турецкому обычаю приняли с почетом; в-третьих, визирь любезно приветствовал их и первым обратился к ним. Шафиров знал тонкости восточного этикета и понял, что турки заинтересованы в заключении мира. У шатра, конечно, собрались любопытные. Среди них был и Ла Мотрей, видевший подарки, которые были внесены вслед за Шафировым, как это полагалось по дипломатическому этикету того времени. Подарки, естественно, были не от царя, а от фельдмаршала Шереметева, от имени которого были предложены переговоры. Согласно Журналу Шереметева, визирю были посланы «2 пищали добрых золоченых, 2 пары пистолет[ов] добрых, 40 соболей в 400 руб.»⁴⁹ Подарки были посланы не только визирю, но и его приближенным. По словам Ла Мотрея, они состояли из мехов соболей и чернобурых лисиц, а также золота, но, по-видимому, не на очень большую

сумму: «Один из пашей, - пишет Ла Мотрей, - находившийся в в шатре, сказал мне, что Осман [кегая] получил на сумму не более 13 тыс. золотых дукатов»⁵⁰.

Затем визирь сразу же высказал требования турок. Подчеркну, что они были сформулированы не единолично визирем, а были обсуждены и приняты на совете с участием крымского хана и личного представителя султана, о чем сообщают самые разные источники. Шафиров писал Петру 17 августа из турецкого лагеря: «Присылал он же, визирь, к нам... и велел объявить, что... де он мир с нами публично и с совету хана крымского и кубе-везирей и прочих учинил». Суттон сообщает, что визирь начал переговоры и заключил мир с согласия «пашей и офицеров». Моро, со слов турецкого паши, пишет: визирь заявил приехавшему к нему с упреками за условия мира Карлу XII, что «ничего не делал без согласия одного министра, находящегося в лагере, и своего военного совета». Наконец, в турецкой реляции говорилось, что на обращение русских «великий визирь и другие министры ответили согласием заключить мир»⁵¹.

К выводу о том, что условия турок не были личными предложениями великого визиря, а вырабатывались на совете, пришел и Курат⁵². Правда, он считает, что совет состоялся после приезда Шафирова, однако это противоречит утверждению Понятовского, что русские «сошли перед шатром великого визиря и были введены туда» и что визирь сразу предъявил условия, т.е. Шафиров не дожидаясь, пока турки их выработают. А ведь Понятовский был при этом, и он не упоминает, что турки обсуждали между собой выдвигаемые ими условия, тогда как Курат пишет, что обсуждение было и что крымский хан был против переговоров, но заявил, что на мир можно пойти, только если русские отдадут Азов, Таганрог и другие построенные ими крепости, не будур вмешиваться в дела запорожских казаков и уйдут из Польши⁵³. Забегая вперед, скажу что именно эти условия и стали основными. Поэтому с полным основанием можно предположить, что совет был созван не после приезда Шафирова, а после получения визирем первого письма Шереметева, а второе письмо было получено, когда уже началось обсуждение условий мира. Во всяком случае их сформулировали до приезда Шафирова и не визирь единолично, а совет. Об этом визирь говорил Карлу XII и Шафирову⁵⁴. Мне удалось найти в архиве запись с пометой «Первые с турецкой стороны под Прутом требования, кои не состоялись». Вот они: «Божею помощию и силою все-вышшаго по мирному акорду дабы Азов со всеми принадлежащими крепостми, как прежде, отдан был Таганрог, Каменной Затон и на устье Самары новая фортеция совсем бы разорены были. И впредь казаков, и запорожцев, и поляков не беспокоивать. И все места, которые прежде надлежали Порте, уступить. Господаря волоского и Саву [Рагузинского], яко подданных изменников, дабы отдать, чтобы впредь наша дружба ненарушима была. Трибут, что Волоская земля платит на один год, и дондеже та Волоская земля в прежнее состояние придет, чтоб те денги также на три года даны были И кроме купцов, никакого б посла в Цареграде не было. И вся аммуниция и пушки нам отданы б были. И понеже король швецкой пришел под покров Пресветлые Порты, и того ради чтобы с обеих сторон для дружбы Порты Оттоманской никакой недружбы не было. И впредь как нашим подданным от [слово не разобрано] никакой убыток и противность не чинен [слово утрачено]. И ежели учинитца под вышереченными кондиции, визирь будет просить салтанова величества, дабы те неприятельские поступки забвению предать. И по вышереченной мере дабы были гарантирами англичан и галанцы. И тогда с обеих сторон дадутца два экземпляр»⁵⁵. Главное в этих условиях - возвращение Азова и разорение новопостроенных крепостей. И ничего в пользу шведов.

Вернемся теперь к рассказу Понятовского. По его словам, Шафиров ответил, «что они жили в Молдавии на свои деньги; что вторжение татар в их государство прошлой зимой побудило их к отмищению; что для того, чтобы сохранить дружбу с султаном, царь вернет Азов и снесет Таганрог, но что им нужен Каменный Затон, чтобы укрываться от набегов татар. Так как они [русские] боялись, говорили они, забыть что-нибудь из требований визиря, они просили его, чтобы все было изложено письменно. После этого визирь направил их в шатер секретаря». Пока в шатре секретаря обсуждались условия, в шатре визиря Понятовский, как он писал в своих Записках, в присутствии собравшихся сановников стал с жаром упрекать визиря, говоря, что «со всеми преимуществами, которые ему даровал бог над врагами, он был в состоянии требовать и получить другие условия». Визирь, пораженный и разгневанный его дерзостью, «употребил

весьма оскорбительные слова и угрозы по отношению к графу Понятовскому, который ответил ему в том же тоне и вышел». Но он оставался поблизости и вернулся в шатер вслед за Шафировым.

О том, как проходило обсуждение в шатре секретаря, сведений нет, но с ним связано одно любопытное обстоятельство. В тексте письма Понятовского Лещинскому с описанием переговоров, опубликованном в приложении к первой книге Ла Мотрея на английском языке, есть следующая фраза: «Визирь и его фавориты, подкупленные во время переговоров в другом шатре, согласились на все [чего хотел Шафиров]»⁵⁶. Но во французском тексте письма этой фразы нет, хотя Понятовский писал Лещинскому либо по-французски, либо по-польски, но уж никак не по-английски. Скорее всего, по-французски, так как такого рода письма предназначались в то время для распространения содержащихся в них сведений. Ла Мотрей в предисловии к своей второй книге (напечатанной в 1732 г.) писал: «В изданиях моей книги на английском и французском языках английскими переводчиками и гаагскими издателями в мое отсутствие и без моего ведома были сделаны различные добавления и вставки»⁵⁷. Почему это было сделано - неизвестно. Можно предположить, что по конъюнктурным политическим соображениям. Но вполне правдоподобно, что именно в шатре секретаря Шафиров пообещал турецким сановникам крупные подарки, как это было принято у турок. Конечно, не за то, чтобы они выдвинули приемлемые для России условия, потому что они уже были предъявлены. Нет, речь могла идти только о создании доброжелательной атмосферы ца переговорах. Правда, турки были заинтересованы в принятии Россией их условий, но соблюдение Шафировым обычая делать подарки и щедрость Петра имели определенное значение. Но говорить о подкупе великого визиря нет никаких оснований.

После перевода текста условий в шатре секретаря должны были начаться собственно переговоры о мире с великим визирем. Войдя в его шатер, Шафиров дал ответ на Предъявленные турками требования. По словам Понятовского, Шафиров сказал, что хотя по прежнему договору Азов навсегда перешел к России, но из дружбы к Порте царь возвратит его; что Таганрог, Каменный Затон и Самара (новопостроенные крепости в Причерноморье) будут скрыты; что русские перестанут заниматься делами Польши, в которые они не вмешались бы, если бы в них не вмешался шведский король (на это визирь промолчал); что запорожские казаки, по желанию Порты, станут пользоваться прежней свободой; что русские ничего не получили от Молдавии, где они травли свои деньги, и им нечего возвращать; что молдавский господарь не может быть выдан, так как он уже 3 дня как бежал; что Савва им неизвестен. В ходе переговоров визирь снял маловажные для турок требования о выдаче Кантемира и Саввы Рагузинского и согласился вместо армейской артиллерии взять пушки из Азова. Но зато он выдвинул новые требования: о свободном пропуске шведского короля к его армии, о возобновлении ежегодной уплаты «поминков» (дани) крымскому хану и о пребывании Шафирова и сына фельдмаршала Шереметева, полковника Михаила Петровича Шереметева, в Турции в качестве заложников до выполнения условий мирного договора.

По поводу уплаты дани крымскому хану Суттон сообщил 10 августа, что «царь обязался в отдельной статье, которая по его просьбе не была включена в текст договора, чтобы скрыть бесчестие, платить обычную прежнюю дань хану в размере 40000 дукатов ежегодно, от которой он был освобожден по последнему миру»⁵⁸. Но это неточно: «отдельной статьи», т.е. письменного обязательства, не было, и сумма при переговорах не была определена. Это видно из письма Шафирова Петру от 16 октября 1711 г.: «Ежели, государь, придет до того, что нужда будет хана склонять, дабы не был противен, то принуждены ему будем обещать некоторую дачу и просим на то указу, понеже при договоре о том нам говорили. И хотя я и отбилс я тогда, чтобы того не писать в договор, а на словах принужден был обещать, что подарками его изволишь обсылать, ежели он будет мир издерживать»⁵⁹. По-видимому, до дипломатов дошел слух, что крымский хан намеревался потребовать именно эту сумму. Не снял визирь и еще одно важное для престижа России требование: чтобы Россия не имела посла в Стамбуле и сносилась с турецким правительством через крымского хана. Условия были согласованы в тот же день, 10 июля. В Статейном списке отмечено, что Шафиров «в турецком обозе ночевал». Следовательно, весь вечер 10 июля и, вероятно, даже ночью и утром 11 июля формулировался и переводился

окончательный текст договора для представления его Петру. Составитель сборника писем Петра к Шереметеву, изданного в 1774 г., пишет: «Турецкой трактат писан 21/10 июля... И так, везирь по приходе к нему под вечер Шафирову, нимало не медля, еще в ту же ночь трактат написал... Требовалось перевести оной на какой-нибудь знакомой язык, перевести с оного и на российский... Первый перевод учинен греческий 11 июля..., как точно изъяснено в оном»⁶⁰.

Петр нервничал: благоприятное для атаки время уходило, провиант кончился, голодные лошади теряли силы. «Армия наша, - пишет Моро, - не имела провианта; пятый день большая часть офицеров не ела хлеба; тем паче солдаты, которые пользуются меньшими удобствами... кони лизали землю и были так изнурены, что когда пришлось употребить их в дело, то не знали, седлать ли, запрягать ли их, или нет»⁶¹. Созванный Петром вечером 10 июля военный совет принял следующее решение: «По последней мере положили на совете весь генералитет и министры. Ежели неприятель не пожелает на тех кондициях быть довольным, а будет желать, чтоб мы отдались на их discreцию и ружья положили, то все согласно присоветовали, что иттить в отвод подле реки»⁶². Неудивительно, что утром 11 июля Петр написал Шафирову отчаянно письмо: «Мой господин. Я из присланного слов выразумел, что турки, хотя и склонны но медляны являются к миру, того ради все чини по своему рассуждению, как тебя бог наставит, и, ежели подлинно будут говорить о миру, то ставь с ними на все, чево похотят, кроме шклавства. И дай нам знать конечно сегодни, дабы свой дисператной путь могли, с помощиею божиею, начать. Буде же подлинно с[к]лонность явитца к миру а сегодня не могут скончат договор, то хотя б то сегодня сделать, чтоб косить за и транжаментом. В протчем словесна приказана. Петр. Из лагору, 11 д[ня] июля 1711»⁶³ «Но условия были уже согласованы. Шафиров вернулся от турок после полудня с текс том договора и, получив согласие Петра, отправился обратно для его оформления»⁶⁴. Вечером к туркам прибыл и М.Б. Шереметев, пожалованный в чин генерал-майора «для лутчего почтения»⁶⁵. 12 июля договор был подписан, отправлен к Петру, и в тот же день в 6 часов вечера русская армия выступила в обратный путь.

Так закончилось сражение на Пруте. В целом русская армия потеряла убитыми и ранеными около 3 тыс. человек. Но это только потери в сражении, а следовало бы учесть и потери от изнурения. Суттон сообщал, что «еще до встречи с турецкой армией они [русские] потеряли, по словам одних, 5000 человек, по словам других, больше от голода и болезней»⁶⁶. Один из корреспондентов принца Евгения Савойского, со слов неизвестного шведа, писал, что в русской армии, уходившей после Прутского сражения солдаты не могли идти больше, чем два часа в день, и ежедневно умирало 400-500 человек⁶⁷. Это, вероятно, преувеличение, но оно отражает впечатление современника. О потерях турок точных сведений нет, они колеблются от 2 до 9 тыс. убитыми и столько же ранеными⁶⁸. В турецкой армии тоже были небоевые потери: Суттон сообщал что «во время пребывания турок на Дунае среди войск свирепствовала дизентерия и ежедневно умирало 300 или 400 человек»⁶⁹. Визирь прислал царю провиант: по данным Ла Мотрея, 4000 квинталов хлеба (квинтал - 100 фунтов), 2000 квинталов риса и 1000 ок кофе (ок - 3 фунта); по данным Суттона, 1200 повозок с хлебом и рисом и 500 ок кофе. В турецкой реляции о походе сообщалось, что продовольствия было послано на 11 дней⁷⁰. Понятовский писал Лещинскому, что царь вышел «из своего лагеря со всеми знаками почета, снабженный своими новыми друзьями всем, чего ему недоставало для пропитания своей расстроенной армии»⁷¹.

Извещенный о мирных переговорах Карл XII примчался в турецкий лагерь через час после выступления русской армии, но ничего не добился от визиря, и на следующий день Шафиров в очередном письме к Петру сообщил: «О шведском короле сегодня не поминали ничего, и я чаю, что на него плюнули»⁷².

Легенда о подкупе визиря и драгоценностях Екатерины

Начнем с того, что одаривание чиновников в Турции было широко практиковавшейся системой. Более того, в XVII в. там было даже специальное учреждение, которое учитывало взятки, получаемые должностными лицами, и отчисляло определенный процент в казну⁷³. Поэтому деньги, обещанные визирю и его помощникам, были традиционными подарками, а вовсе не подкупом.

12 июля, после подписания договора, Шафиров, послав Петру письмо с поздравлением, сообщал в особой зашифрованной «цедуле» (записке): «Доношу, что сулено: везирию число подлинно и не смели назначить; кегаю 50000 левков [60 тыс. руб.]; чауш-паше 5000 червонных; кегаину брату 1000 червонных и 3 меха собольих; конюшему 1000 червонных; переводчику 500 червонных; секретарю, которой трактат писал, 1000 червонных; на прочих канцелярии 1000. Сие число, ваше величество, извольте приказать прислать немедленно. А я сулил, и будут на мне спрашивать. А отпущено ко мне только 3700 червонных, и я истинно не знаю, что делать. А и прислать трудно, чтоб не пропали, и огласится. И я иного способу не вижу, чтоб тысяч тридцать ефимков и червонными прислать изволили, пока не отдалилися, з добрым конвоем, а на достальное число велеть с Москвы прислать векселей»⁷⁴.

13 июля Шафиров писал Головкину о своем разговоре с секретарем визиря: «Тот же секретарь говорил мне от везиря, что он зело склонен к его царскому величеству и хотел было по заключении миру послать к нему, также к генералам и министрам в подарки добрых аргамаков, но поопася швецкого короля, чтоб на него не нанес салтану... И я сказал, что... царское величество зело благодарен за приятство везирское... и намерен везирию послать по заключении мира знатной подарок, а именно на [пробел] тысяч но времени к тому не было, а и ныне те денги готовы, ежели похотят послать по их конвой, чтобы провезть мочно. Он, то выслушав с великим желанием, говорил: лутче б то я назвал своими вещми и велел сюды привезть, однакож де он о том доложит езярю, и чтоб де было это зело тайно... Сего часу получил я ответ от кегаи, чтоб мне бутто по свое денги и вещи послать и велеть оные привезть... Извольте, ваше высокографское превосходительство, для бога, отпустить тех денег: перве, для везирию 150 тысяч рублей, кегае 50, да на протчие роздачи по обещанию моему тысяч пятьдесят»⁷⁵ - Здесь первый раз письменно была названа сумма, обещанная везирию, - 150 тыс. руб. и общая сумма - 250 тыс. руб.

Скрыть факт отправки денег с турецким конвоем было невозможно, и в печати об этом впервые сообщил, вероятно, Моро в своих «Записках»⁷⁶. Деньги были русские и не золотые, а серебряные, и это, конечно, доставило послам затруднения. 28 июля Шафиров и М.Б. Шереметев сообщали Головкину: «Присланные соболи одиннадцать сороков на 5 тысяч рублей приняты. И сожалеем, что толь мало оных прислано, ибо ... от русских денег всяк бежит, и не смеют их принять, и так оные дешевы, что юдит левок их наших денег по 40 алтын. По се число еще никто оных не берет, опасаютца, чтоб кто не признал. И велел везирь свои обещанные везть нам до Сакчии». В 1872 г. был опубликован акт проверки части присланной суммы, из которого видно, что проверявшиеся деньги были собраны в Москве у посадских людей разных слобод в ходе взимания соляного налога 1709 г. и таможенного 1710 г.⁷⁷ Таким образом, Петр послал Шафирову русские деньги из армейской казны, из которой производились текущие расходы.

Суттон сообщал, что 23 июля кегай великого визиря Осман-ага привез подписанный договор, 23-го же султан послал конюшого к везирию с утверждением договора, а 24-го приехал мирза от крымского хана с «пространным протестом против поведения великого визиря». «Под влиянием хана султан выказал недовольство умеренностью визиря, но того поддерживают муфтий и улемы, Али-паша (фаворит султана), Кизляр-ага (главный евнух), начальник янычар и все офицеры»⁷⁸. Отметим, что хан еще не поднял вопроса о подкупе визиря. Шафиров и М.Б. Шереметев писали Головкину 4 августа: «Прислана к везирию... от салтана грамота короля швецкого, которую он на него з жалобою писал, что он [везирь], имея наше войско в своих руках, дал нам себя обмануть, зделал мир, не призвав ево в совет и не включа в оной [мир] ево. И под тою де его грамотою от салтана только подписано, что даст ему на то ответ крайней его везирь. И ту грамоту послал де везирь... к нему, королю, при письме своем, в котором писал к нему, чтоб он шел немедленно из земли их вон»⁷⁹. Отсутствие обвинения в подкупе визиря в жалобе Карла свидетельствует о том, что и шведов еще не осенила мысль представить традиционный подарок как подкуп. Замечу, что жалоба была послана на рассмотрение тому, на кого пожаловались - везирию, что говорит о доверии к нему султана.

Но обвинение в подкупе визиря появилось в том же августе. Получив обратно свою грамоту к султану и письмо от визиря с требованием покинуть Турцию, Карл понял, что повлиять на султана он сможет, лишь опорочив визиря. Положение последнего было затруднительным. Возврат Азова был главной целью войны. Мир подписан, русская армия ушла,

но Азов по-прежнему не отдан. Почему? Как объяснить это султану? Петр не отдавал Азов, мотивируя это тем, что шведский король еще не выслан, но в Договоре возвращение Азова не было обусловлено высылкой короля. А тут еще Карл послал султану чертеж расположения русских и турецких войск на берегу Прута, где наглядно показывая, что если бы визирь захотел, то мог бы взять в плен всю русскую армию»⁸⁰

Объяснение, что визирь был подкуплен, напрашивалось само собой. Разговоры об этом и пошли в августе. Вот что писал Суттон в депеше от 4 сентября: поведение визиря «одобряется совершенно и во всех деталях султаном и всем народом, несмотря на все, что ставилось ему в вину, и несмотря на интриги шведского короля и хана. Визиря поддерживают не только султан и его министры, но и улемы, большая и лучшая часть народа, начальник янычар и вообще все военачальники и офицеры, в соответствии с чьими советами он поступал... Только немногие из черни прислушиваются к словам шведов и татар..., что визирь щедро подкуплен царем, чтобы заключить мир и дать возможность безопасно вывести армию»⁸¹. То, что именно Карл выдвинул это обвинение, поддержанное крымским ханом, подтвердил и секретарь голландского посла В. Тейльс в своих воспоминаниях, напечатанных в 1722 г. По его словам, Карл написал султану письмо, где обвинил визиря и его кегаю в том, что они, имея в своих руках царя «взяв сумму денег, его отпустили, переменя честь и истинные интересы Оттоманской империи в сребролюбие»⁸².

С версией о подкупе тесно сплелась и получила широкое хождение среди историков легенда о том, что Екатерина подкупила визиря своими драгоценностями. Рассмотрим ее возникновение⁸³. Юст Юль сообщает, что утром 10 июля, во время охватившего русский обоз смятения, «царица раздарила все свои драгоценные камни и украшения первым попавшимся слугам и офицерам, по заключении же мира отобрала у них эти вещи назад, объявив, что они были отданы им лишь на сбережение»⁸⁴. Издатель записок Юля в примечании к этому месту совершенно правильно поставил вопрос: «Не этот ли случай послужил основанием известному рассказу о том, будто Екатерина отдала свои драгоценности и лично собирала у солдат деньги, чтоб подкупить верховного визиря?» Это вполне вероятно. Конечно, о подарках царицы получившие их молчали, а вот когда она стала отбирать их назад, естественно, многие были разочарованы и недовольны, и избежать огласки стало невозможно. Слух о подкупе визиря распространялся по Европе шведами и уволенными после похода иностранными офицерами, в том числе и Моро. Естественно было связать его с рассказом о том, что Екатерина сыграла решающую роль в принятии Петром решения вступить в переговоры и что именно ее драгоценности склонили визиря заключить мир. В 1712 г. его пытались подкрепить слухом, что в имуществе казенного кегаи Османа нашли будто бы перстень царицы⁸⁵. Но кому в Турции могли быть так хорошо известны ее драгоценности, чтобы узнать его? Так что это, конечно, только слух. Но вот что интересно: ни Моро в своей книге, вышедшей в 1716 г., ни Ла Мотрей в первой книге, изданной в 1723 г., о драгоценностях Екатерины не сообщают.

В январе 1725 г., после смерти Петра, гвардия возвела Екатерину на престол. В том же году в Лейпциге вышла биография Петра, написанная немцем Рабенером. В ней легенда о драгоценностях Екатерины передается еще как слух: «Рассказывают, - пишет Рабенер, - что еще до заключения перемирия визирь получил все наличные деньги офицеров и драгоценности их жен... Даже сама царица в такой тяжелой нужде не пожалела, вопреки обычаю ее пола, своих лучших украшений»⁸⁶. В 1726 г. вышла книга "Записки о царствовании Петра Великого», автор которой скрылся под псевдонимом «барон Иван Нестесураной», а в 1728 г. - анонимные «Записки о царствовании Екатерины»⁸⁷. Обе книги, как было установлено позднее, были написаны французским литератором Руссе де Мисси по заказу русского правительства. В них литературно обработанная и приукрашенная легенда о Екатерине преподносится уже как вполне достоверное событие. В 1732 г. Вольтер в своей книге о Карле XII повторил легенду, но ему возразил Ла Мотрей: в «Замечаниях» на книгу Вольтера и в своей второй книге путешествий, вышедших в том же году, он решительно отрицал посылку Екатериной своих драгоценностей. Вот что писал Ла Мотрей в «Замечаниях»: «Я получил информацию от различных московитских офицеров... что госпожа Екатерина, ставшая потом императрицей, имела очень немного драгоценностей, [и] что она не собирала никакого серебра для визиря»⁸⁸. Во второй книге

говорилося: публика любить все необычайное, и говорят, «что царица не смогла бы спасти царя, если бы пожертвовала всеми своими драгоценностями и другими подарками визирю. Но я был там и знаю вполне точно, что визирь не получил ни одной драгоценности и ни одного гроша»⁸⁹. Там же в специальном примечании о Шафирове Ла Мотрей подчеркнул, что «только благодаря его способностям, а вовсе не мнимым подаркам царицы царь обязан своему избавлению на Пруте. Как я уже говорил в другом месте, о всех подарках, сделанных визирю после заключения мирного договора, я был очень хорошо информирован (я снова это повторяю) не только пашой, с которым я был тогда, но многими другими турками, даже врагами этого визиря» .

Однако книга Вольтера приобрела широкую известность, и легенда, обрастая подробностями, продолжала свое триумфальное шествие по страницам книг других авторов. Так, например, А. Гордон, служивший тогда в России, но не участвовавший в походе, сообщил в 1755 г., что заслуга заключения мира всецело принадлежит Екатерине, отдавшей визирю свои драгоценности⁹¹. А участник похода капитан П. Брюс, родственник Я.В. Брюса, написал (издано в 1782 г.), что Екатерина не только собрала долг драгоценности, деньги, но еще и золотую и серебряную посуду и послала все это визирю⁹². Из-за своего драматизма легенда получила широкое распространение в мемуарах XVIII в., в научной, справочной и художественной литературе XIX-XX вв. и благополучно дожила до наших дней.

Таким образом, утверждение о решающем влиянии подкупа великого визиря на условия мира было выдвинуто шведами в августе 1711 г. и подхвачено противниками визиря в окружении султана, а в печати оно было высказано впервые, по-видимому, в 1716 г. в изданных анонимно записках Моро. Условия мирного договора были выработаны коллективно на совете еще до приезда Шафирова и до обещания подарка. Екатерина, думается, оказала влияние на решение Петра вступить в переговоры с турками. Возможно даже, что инициатива исходила от нее. Как было на самом деле, мы никогда не узнаем, но это не имеет значения. Важно, что решение об этом было принято самим Петром - не тот ведь несет ответственность, кто дает совет, а тот, кто решает, принять его или нет.

Легенда о «писюме Петра I с берегов Прута»

В 1735 г. в Российскую Академию наук был приглашен «для словесных наук и аллегорических изобретений для фейерверков, иллюминаций и медалей» уроженец немецкого города Мейнингена Якоб фон Штелин (1712-1785). В 1738 г. он был назначен профессором «элоквенции (красноречия. - Я.В.) и поэзии» и членом Академии наук. Когда он приехал в Россию, современники еще живо помнили легендарного императора. Штелин стал собирать рассказы о нем, не пытаясь отделить истину от вымысла, достоверное от слухов. Собранные рассказы он издал в 1785 г. в Лейпциге на немецком языке под названием «Подлинные рассказы о Петре Великом». В книге помещена рекомендация кн. М.М. Щербатова (датированная 1780 г.), в которой говорится, что «все эти анекдоты подтверждены свидетельскими показаниями очевидцев, от которых Вы (Штелин. - Я.В.) получили эти анекдоты». Это выражается в указании после каждого рассказа, от кого Штелин его услышал. Книга была издана в России в 1786 г. в Москве в Петербурге⁹³.

Среди других «анекдотов» было напечатано письмо Петра Сенату, где говорилося: «Сим извещаю вам, что я со всем своим войском без вины и погрешности со стороны нашей, но единственно только по полученным ложным известиям, в четырехкратно сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и я без особливия Божия помощи ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкой плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелению, от вас было требуемо, покамест я сам не явлюся между вами в лице своем. Но если я погибну, и вы верныя известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники»⁹⁴ Обращения, подписи, даты и места написания в письме нет.

Перед текстом письма Штелин поместил рассказ о том, как Петр, попав с армией в окружение на берегу Прута, вызвал доверенного офицера и дал ему это письмо. Офицер ухитрился пробраться сквозь окружавшее русский лагерь турецко-татарское войско и через 9

дней доставил письмо сенаторам в Петербург. Но рассказ неправде подобен прежде всего тем, что Сенат был еще в Москве, а не в Петербурге, да и указанный срок доставки слишком мал. «Подлинник внесенного здесь письма, - писал Штелин, - находится в кабинете Петра Великого при Санкт-Петербургском Императорском Дворе, между многими другими своеручными письмами сего Монарха и был многим знатным особам показывал от приставленного к сему кабинету надзирателя князь Михаила Михайловича Щербатова». Под письмом Петра он указал, что «известно сие от князя Михаила Михайловича Щербатова, Камергера и Герольдмейстера Правительствующего Сената»⁹⁵. Письмо Петра в 1830 г. было помещено в официальном издании «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ). Издатели снабдили его обращением «Господа Сенат» и датой 10 июля, но напечатали письмо не в тексте, а в подстрочном примечании с объяснением: «В тексте и под особым номером указ сей потому не помещается, что подлинного в рукописях императора Петра I не отыскано»⁹⁶.

В ПСЗ и у некоторых историков текст письма несколько отличается от текста у Штелина: вместо «в четырехкратно» напечатано: «в семькрат». Эту поправку сделал И.И. Голиков, опубликовав письмо в своих «Деяниях Петра Великого, мудрого преобразителя России»⁹⁷. Вот как он объяснил свою дерзость в подстрочном примечании: «В подлиннике стоит в четыре краты, но я поставил в семь крат, следуя Журналу; ибо письмо сие писано тогда, когда не было еще в точности известно число неприятелей». Напомню, что в Журнале (Поденной записке) численность турецко-татарского войска указана в 270 тыс. человек, т.е. в 7 раз больше, чем в Реляции о Прутском походе, но эту, очень завышенную численность, как уже говорилось, Петру сообщил Шафиров со слов турок.

В XIX в. у историков возникли сомнения в подлинности письма, и завязалась полемика. Первым усомнившимся был, по-видимому, А.С. Пушкин: в 1832 г. он начал сбор материалов для «Истории Петра Великого» и под 1711 г. записал, что «Штелин уверяет, что славное письмо в сенат хранится в кабинете его величества при императорском дворце. Но, к сожалению, анекдот кажется выдуман и чуть ли не им самим. По крайней мере, письмо не отыскано»⁹⁸. В 1962 г. Е.П. Подъяпольская изучила текст письма, рассмотрела доводы историков и пришла к выводу, что все-таки письмо подлинное". По ее настоянию оно было включено в издание «Письма и бумаги императора Петра Великого» среди писем Петра, но по решению редакторов напечатано с подзаголовком: «Письмо, приписываемое Петру I»¹⁰⁰. Н.И. Павленко полагает, что письмо подделано Штелиным. Однако он опирается только на логические рассуждения¹⁰¹.

Ответ на вопрос о подлинности или подложности письма (и в этом случае об авторе подделки) может быть тройким: письмо подлинное, письмо подделано Щербатовым, письмо подделано Штелиным с ведома и согласия Щербатова (а, может быть, и с его прямой помощью), поскольку Щербатов подтвердил его подлинность и стал, следовательно, участником подделки и сообщником Штелина. Как указала Подъяпольская, «М.М. Щербатов..., при жизни которого вышло несколько изданий "Анекдотов" Штелина на трех языках, не опроверг ссылки Штелина на свое имя и тем самым подтвердил свою причастность к анекдоту о Прутском походе»¹⁰². Более того, Щербатов не опроверг и сообщения Штелина о том, что он, Щербатов, показывал подлинник письма «многим знатным особам».

С.М. Соловьев считал, что подлинник мог быть уничтожен. Подъяпольская поддержала и развила его высказывание: «Побуждения к уничтожению подлинника могли быть, по мнению Соловьева, со стороны преемников Петра. Прибавим, что побуждена такого рода могли быть со стороны самого Петра, так как в письме от 10 июля говорилось о "страшной минуте" на берегах Прута, о которой Петр I не был заинтересован вспоминать». Но и Соловьев, и Подъяпольская упустили из виду, что Щербатов-то, как писал Штелин, показывал «многим знатным особам» именно подлинник (и Щербатов этого не опроверг). Значит, ни Петр, ни его преемники в исчезновении письма невинны, и подлинник (если он вообще был, конечно) исчез уже после его опубликования.

Отсутствие подлинника и копии письма и упоминания о нем в делопроизводстве, пепеписке и воспоминаниях современников Петра не является доказательством его подложности: во-первых, до нас дошли далеко не все документы эпохи, а во-вторых, если бы оно было, то было сугубо секретным. Но если Щербатов действительно показывал его, то почему никто из его

современников даже вскользь не упомянул об этом? По мнению Подъяпольской и Павленко, по стилю и описанию обстановки письмо могло быть написано Петром. Но, во-первых, об авторстве Петра по языку, стилю и содержанию письма судить с уверенностью нельзя: в книге Штелина помещен немецкий текст, значит, это перевод, а затем при подготовке русских изданий были сделаны переводы с немецкого на русский язык; во-вторых, в архиве имеется много писем Петра, по которым можно было изучить его стиль, а Реляция о Прутском походе, Поденная записка мемуары участников похода и его современников, ярко описавшие обстановку, были опубликованы до издания книги Штелина.

Таким образом, решающее значение приобретают анализ содержания письма и выяснение цели его возможной подделки. Анализ содержания, как это было уже отмечено в литературе, ставит перед исследователем два вопроса: почему наследник престола царевич Алексей лишается права наследовать трон отца и почему Петр повелевает избрать нового царя только Сенату и только из сенаторов? Некоторые историки указывают, что Петр давно уже грозил лишить сына права наследовать трон, и что, хотя в 1711 г. отношения отца и сына не были открыто враждебными, в 1715 г. Петр тоже высказал такую угрозу. Значит, мысль эта могла у него быть и в 1711 г. Но все это только предположения.

Подъяпольская попыталась обосновать предположение об охлаждении Петра к Алексею тем, что в проекте брачного договора, составленного представителями невесты царевича, принцессы Шарлотты Вольфенбюттельской (договор был заключен весной 1711 г.), говорилось, что она будет с царевичем вести «благословенное супружество и государствование», но слово «государствование» Петр вычеркнул. Подъяпольская сделала вывод, что этим Петр «уменьшал шансы на "государствование" Алексея и его супруги», и сочла это доказательством охлаждения Петра к Алексею¹⁰³. Но слово «государствование» означает «царствование», следовательно, при жизни Петра царевич мог вести с Шарлоттой только благословенное супружество, так как государствование вел еще сам Петр. Вполне понятно, что Петр вычеркнул это слово из брачного контракта. И если он «охладел» к Алексею до того, что внутренне перестал считать его своим наследником (хотя и скрывал пока это), зачем тогда он вообще хлопотал о его женитьбе, которая, особенно в случае появления наследника, укрепляла положение Алексея? Но если даже Петр на Пруте захотел устранить царевича, то почему же в письме прямо не сказано, что царевич лишается права наследовать престол? Ясно ведь было, что Алексей и его сторонники не будут спокойно смотреть на избрание нового царя, а борьба за престол в условиях войны со Швецией и Турцией ничего хорошего России не сулила. Не мог же Петр этого не понимать? Поэтому, по-моему, невероятно, чтобы в таком письме Петр умолчал об устранении Алексея.

А почему избрать царя должен был Сенат, да еще только из своего состава? Сенат был создан указом Петра от 22 февраля 1711 г. для решения текущих дел ввиду того, что царь месяцами отсутствовал в столице и, занятый важными военными и политическими делами, не мог уделять много внимания текущим делам внутреннего управления. Сенаторами были назначены: *Н.П. Мельницкий* - руководитель Военного приказа, *Г.А. Племянников* - руководитель Адмиралтейского приказа, *В.А. Апухтин* - генерал квартирмейстер, *М.М. Самарин* - генерал-цальмейстер, граф *И.А. Мусин-Пушкин* - начальник Монастырского приказа, князь *П.А. Голицын* - архангельский губернатор князь, *Г.И. Волконский* - обер-комендант Ярославской провинции, *Т.Н. Стрешнев* - бывший руководитель Разрядного приказа, князь *М.В. Долгорукий* - комнатные, стольник. Интересна их судьба. Перестали быть сенаторами: Мельницкий - в 1712 г, Голицын - в 1713 г. (назначен рижским губернатором), Племянников - в 1714 г., Апухтин и Волконский - в 1715 г. (осуждены за казнокрадство), Долгорукий - в 1718 г (обвинен по делу царевича Алексея, но в 1724 г. назначен сибирским губернатором), Самарин - в 1719 г. (назначен начальником Поместного приказа), Стрешнев умер в 1718 г., и только один Мусин-Пушкин оставался сенатором во время всего царствования Петра¹⁰⁴.

В.О. Ключевский подчеркивал, что Сенат имел «распорядительный и наблюдательный характер учреждения без совещательного значения и законодательного авторитета». «Петру, - писал он, - нужна была... простая государственная управа из немногих толковых дельцов, способных угадать волю, поймать неясную мысль царя, скрытую в лаконической шараде наскоро

набросанного именного указа, разработать ее в понятное и исполнимое распоряжение и властно присмотреть за ее исполнением... Большинство Сената составилось из дельцов далеко не первостепенной чиновной знати... Такие люди понимали военное хозяйство, важнейший предмет сенатского ведения..., а украсть могли наверное меньше Меншикова»¹⁰⁵. В общем, состав Сената был в известной степени случаен. Почему же Петр ограничил круг кандидатов на престол и избирателей только этими «дельцами»? Да и вообще, учитывая характер Петра и его отношение к России, можно ли представить себе его устраняющимся от назначения своего преемника и заранее дающим согласие на избрание царем всея России какого-то Племянникова, Самарина, Апухтина, Мельницкого? Неужели Петр не учитывал, как отнеслись бы к этому родственники династии Романовых? А представители других знатных родов? Неужели он не понимал, что это распоряжение неминуемо развяжет гражданскую войну? И не мог же Петр забыть, что в России есть опыт передачи престола путем избрания царя всероссийским Земским собором (так были избраны Борис Годунов и прадед Петра, царь Михаил Федорович). Поэтому такое его распоряжение, подобно умолчанию об отстранении Алексея, тоже невероятно. Таким образом, содержание письма представляется мне совершенно не соответствующим характеру Петра, всегда сознававшего свою ответственность перед Богом за врученную ему судьбу России.

А кто мог подделать письмо? Очевидно, только тот, кто изучил язык и стиль Петра, был хорошо знаком с письмами царя, документами по истории похода и мемуарами его участников и - главное - кому это было нужно в каких-то целях. Главные подозреваемые - это Штелин и Щербатов. Подъяпольская считала, что оба они подделать письмо не могли, поскольку «обоим, особенно Штелину, не под силу было сочинить письмо, полностью соответствующее исторической обстановке». Но в распоряжении обоих были архивные документы, Журнал или Поденная записка Петра, мемуары участников и современников похода (Понятовского, Ла Мотрея, Моро, Питера Брюса, Гордона), книга Вольтера о Карле XII и сочинения других авторов. Почему же, располагая такими источниками, описать обстановку на Пруте было «не под силу» ни Штелину, ни Щербатову? Оба были высокообразованными людьми, оба привыкли работать с документами, оба без затруднений излагали свои мысли на бумаге. Конечно, Щербатов, разбиравший бумаги Петра, гораздо лучше Штелина был знаком с его стилем и манерой письма и с обстановкой на Пруте. Но все же оба они вполне могли подделать письмо.

Н.И. Павленко полагает, что Щербатов не мог сделать это потому, что имел профессиональную подготовку историка, для которого такая подделка была бы слишком грубой. «Грубость» подделки Павленко видит в том, что распоряжение Петра Сенату не считаться с его письмами из плена, если он в нем окажется, и избрать нового царя из своего состава в случае его смерти, неправдоподобно. Но ведь именно Щербатов выдавал тот документ за подлинное письмо царя. Если он знал, что это подделка Штелина, то почему не поправил ее и не сделал более правдоподобной? А раз он этого не сделал, значит, считал письмо правдоподобным и, следовательно, мог его сам подделать.

Но кому из них это было выгодно? Павленко считает, что письмо подделал Штелин, который, хотя и «непосредственных выгод... не извлекал..., мог просто находить удовольствие в изготовлении легенд». Допустим, что это так. В самом деле, может быть, это была мечта всей его жизни: опубликовать подделку царского письма и втайне упиваться удивлением окружающих, которых не могло не поразить его содержание. Понятно тогда, почему он заручился заявлением Щербатова о том, что именно тот, а не Штелин нашел письмо: во-первых, неконтролируемый доступ к бумагам Петра имел Щербатов, а не он, во-вторых, одно дело - подделать литературное произведение, например, какого-нибудь древнего барда или книжника, и совсем другое - письмо царя, да еще с политическим содержанием, которое уж точно никак не могло понравиться Екатерине II.

Не слишком ли было опасно для простого профессора подделывать политический документ, направленный против императрицы? Неужели удовольствие от изготовления легенд было настолько сильным, что перевесило опасение разоблачения и последующего наказания? Где гарантия, что Екатерина не велела бы произвести розыск: как попал в царский архив? Зачем рылся в царских бумагах? Ведь в то время от пыток не спасало даже чистосердечное признание - следователям надо было убедиться в его правдивости. Неужели Штелин, проживший уже 50 (!)

лет в России (и каких лет! Бироновщина, перевороты...), этого не понимал?

Невозможно поверить, что Штелин решился бы на такой поступок. А мог ли решиться на него Щербатов и зачем ему это могло понадобиться? В чем заключается главная идея письма? Доказать, что Петр якобы придавал Сенату огромное значение: из письма следует, что только Сенат как высшая инстанция в государстве может решать, кто займет престол, и, более того, может даже выбрать царя из своего состава. А кому нужно было так поднимать значение Сената? При Екатерине II это нужно было части знати, у которой возникали проекты ограничения прав монарха в пользу Сената. К ней принадлежал и Щербатов (но не Штелин!). Он весьма неодобрительно относился к безудержной роскоши царского двора и к увлечению царицы фаворитами, которые приобретали решающее влияние на ход государственных дел. В этой обстановке письмо легендарного преобразователя России, прямой преемницей которого по духу считала себя Екатерина II, письмо, где самим Петром Великим указывалось на исключительное положение Сената в государстве, могло иметь немалое значение. Такое письмо Петра могло рассматриваться Щербатовым и его единомышленниками как веский аргумент в пользу расширения прав Сената. Именно этим объясняется умолчание в письме о царевиче Алексее и других возможных кандидатах вне Сената. Для Щербатова его содержание имело важное политическое значение, тем более что уличить его в подделке практически было невозможно: по велению императрицы он приводил влорядок архив царя-преобразователя и нашел письмо. Да и отношение к родовитому шязю было совсем не то, что к безродному чужеземцу-наемнику. Как сказали бы мы теперь, письмо могло послужить неплохим орудием агитации. Щербатов именно так использовал его: сначала показывал «многим знатным особам», затем напечатал в книге Штелина.

Правда, по мнению Подъяпольской, «князь Щербатов вряд ли позволил бы себе подлог царского письма». Но я думаю, что, поскольку письмо не давало ему никакой личной выгоды, он мог решиться на эту подделку «в интересах Отечества». А вот вер-, ноподданный Штелин вполне мог бы счесть это «оскорблением величества» и убраться связанного с этим риска. Все это, конечно, только логические рассуждения, но есть еще одно обстоятельство, до сих пор не замеченное историками. В 1790 г. после короткой Русско-шведской войны был заключен мир. Он был ознаменован торжеством в Петербурге, на котором обер-прокурор Сената произнес речь. Щербатов остался ею недоволен и написал «Ответ гражданина на речь, говоренную е. и. в. обер-прокурором Сената Неклюдовым, по причине торжества шведского мира, 1790 сентября 5 числа». В ней Щербатов после ряда критических замечаний пишет: «Не утверждаю я напечатанного его письма в Анекдотах, которое, по крайней мере, вид истины имеет; геройский его дух, являющий, что не для себя, но для отечества воюет, учинил ему предписать своему Сенату, дабы, в случае нещастия, плен его никакого вреда России не причинил, избрать в Российские Монархи кого из-среди себя»¹⁰⁶.

Что означают слова: «Не утверждаю я напечатанного его письма в Анекдотах, которое, по крайней мере, вид истины имеет»? Они могут означать только то, что, хотя письмо выглядит подлинным («вид истины имеет»), Щербатов не утверждает, что оно подлинное, т.е. допускает, что оно может быть выдуманным. Но ведь сам же Щербатов, как писал Штелин, показывал это письмо «многим знатным особам» и дал его для опубликования именно как подлинное письмо Петра, хранящееся в его Кабинете и после публикации Щербатов не опроверг этих сведений. Так когда же он лгал: в 1785 г., выдавая письмо за подлинное, или в 1790 г., высказывая сомнение в его подлинности? Конечно, он мог сделать такую оговорку из осторожности, понимая, что письмо неприятно Екатерине, но ведь можно было вообще не упоминать о нем. Да и правду ли он говорил Штелину, когда утверждал, что показывал это письмо «знатным особам», да еще «многим»? И не опасался гнева Екатерины? В опубликованных мемуарах современников и донесениях дипломатов об этом упоминаний нет, а ведь письмо - сенсация. А книгу Штелина «знатные особы» могли и не прочесть - многих ли из них интересовали байки о Петре?

На мой взгляд, письмо все же поддельное, и подделал его Щербатов. Но он либо не показывал его никому, либо показал немногим под строгим секретом, и к 1790 г., когда некоторый либерализм Екатерины исчез под влиянием Великой французской революции (это видно на примере гнева императрицы на Радищева), стал опасаться ее возможной реакции на

письмо и в «Ответе» проявил осторожность. Пока не выяснено, обнародовал его Щербатов или нет. В том же году он умер, так что скорее всего «Ответ» остался неизвестным современникам. Что же касается рассказа о доставке письма, то ошибки бывают и у профессиональных историков. А может быть, они были допущены намеренно? Чтобы в случае чего, сослаться на них в доказательство того, что письмо, как и рассказ, тоже просто байка!

Когда был взят Браилов?

Как это ни удивительно, но большинство исследователей не обратило внимания на то, что в реляцию о Прутском походе, которая была опубликована еще в «Ведомостях» Петра в том же 1711 г. и неоднократно перепечатывалась, был включен сокращенный текст реляции Ренне Шереметеву с указанием даты взятия Браилова - 14 июля, через два дня после заключения Прутского мира¹⁰⁷. Донесение Ренне не было перехвачено турками, как думали некоторые историки. Но даже если бы это было и так, то все равно визирь получил бы его только через несколько дней после подписания договора. Поэтому взятие Браилова не могло быть одной из причин согласия турок на заключение мира и оказать влияние на его условия. Однако сам рейд отряда Ренне в турецкий тыл, несомненно, внушал туркам опасения и мог оказать влияние и на их решение вступить в переговоры, и на позицию при обсуждении условий мира.

Почему появился вариант Прутского мирного договора?

Текст Прутского мирного договора был изменен самим Петром. Мне удалось обнаружить копию договора с его собственноручными исправлениями¹⁰⁸. В первой статье указание на то, что предложение начать мирные переговоры исходило от русских, и слова, что царь обещает сделать то-то и то-то, заменены на: «требовано мир учинить» и «соглашенось на то-то и то-то». Во второй статье говорится об обязательстве России не вмешиваться в дела Польши. Формулировка изменена так, что обязательство случилось обоюдным. В третьей - вычеркнуто запрещение иметь посла в Турции, о шестой - вычеркнуто условие об оставлении в Турции послов Шафировова и Шеремета заложниками до выполнения условий мирного договора. В общем, из текста догала были исключены унижительные для престижа России условия и смягчены формулировки.

Но для чего изменялся текст? Это тоже удалось установить: на одной из копий исправленного текста оказалась помета: «Сей трактат не подлинной, но для приобщения переправлен»¹⁰⁹. Следовательно, переделанный Петром текст, из которого были исключены унижительные для России и для него лично условия и формулировки, предназначался для правительств западноевропейских держав. Действительно, в сборнике дипломатических документов, вышедшем в свет в 1731 г., помещен именно этот текст, переведенный на латинский язык, с примечанием, что эта копия, «как говорят», была передана русским послом голландскому правительству¹¹⁰.

Копия договора, в которую Петр вносил поправки, имеет заголовок: «Трактат, данной с российской стороны. Черной» и помету: «С сего послана копия всеклетную экспедицию июня 17 дня 1736 года»¹¹¹. Вероятно, когда в 1736 г. понадобился текст Прутского мирного договора, этот документ с собственноручными поправками Петра сочли черновиком подлинного договора. Это, видимо, ввело в заблуждение и составителей ПСЗ, опубликовавших его как текст подлинного договора, но из осторожности поместивших после него русский перевод подлинника, написанного на турецком языке¹¹².

* * *

Подведем итоги. Русская армия оказалась на Пруте в тяжелом положении, но оно не было безнадежным. Мужество и дисциплинированность русских регулярных войск и незаинтересованность (скажем так) в войне рядовых турок делали исход генерального сражения сомнительным для турок даже при их неоспоримой храбрости. Сражение было прерванным. Назвать его военным поражением русской армии было бы неправильно. Петр мог рискнуть и победить, но при нехватке конницы этот риск был слишком велик. Как и подобало мудрому правителю, он предпочел не рисковать. Его решение добиться мира даже путем уступок Швеции

было правильным стратегически, так как этим он сохранял армию для дальнейшей борьбы. Взятие Браилова было несомненной победой, и, с точки зрения военного искусства, это была победа новых для тогдашней военной науки идей Петра. Таким образом, хотя в 1711 г. был потерян выход в Азовское море - Азов и окружающая его территория - и Россия вынуждена была пойти на определенные политические уступки, но в контексте главной задачи, которую решал тогда Петр, - сокрушения Швеции, возвращения захваченных ею земель и обеспечения выхода в Балтийское море - это была относительно небольшая цена.

Примечания

1. Водарский Я.Е. По поводу работы турецкого историка о Прутском походе 1711 г. //История СССР. № 6.1963. С. 207-212 (далее ссылки: Водарский. Рецензия); его же. О некоторых событиях Прутского похода Петра I (1711г.) // Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992. С. 82-95.
2. Kurat A.-N. Prut seferi ve barisi 1123 (1711). Ankara. 1951-1953. В 2 т. (далее ссылки: Курат-1 и Курат-2); Jurat A.-N. Der Prutfeldzug und der Prutfrieden von 1711 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Vi 10. Heft 1. April 1962 (далее ссылки: Курат. Статья).
3. Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971 (далее ссылки: Орешкова).
4. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. X. М., 1956 (далее ссылки: ПБ X). С. 549.
5. [Jean-Nicolas-Maureau de Brasey, comte de Lion]. Memoires politiques, amusants et satiriques de messier N.d.V.c.de Lion, colonel du regiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de sa m. czarienne, a Veritopolischez Jean Disant-vrai. 3 volumes. Vol. I-III. Veritopolies. 1716. Описание Прутского похода переведено, опубликовано и прокомментировано А.С. Пушкиным (Пушкин А.С. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., 1950. С. 600-652 (далее ссылки: на Записки Мора в переводе Пушкина — Мора, на комментарии Пушкина — Пушкин С. 624; ЮльЮст. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1711). М., 1899 (далее ссылки: Юль). С. 459-460; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. М., 1962 (далее ссылки: ПБ XM). С. 286-288, 546-548.
6. ПБ X. С. 558; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. М., 1964 (далее ссылк ПБ XI-2). С. 38.
7. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I М., 1954. С. 533.
8. Мора. С. 630.
9. ПБ XI-1. С. 310, 564, 573; Кур ат-1. С. 451-452; Курат-2. С. 798; Выписка из журнала Александра Андреевича Яковлева, находившегося при императоре Петре Великом во время сражения под Прутом в 1711 году// Отечественные записки, изд. П. Свиньиным. Ч. XIX. № 51. Июль. СПб., 1824. С. 15-24 (далее-Яковлев). С. 18; М о р о. С. 634-635; S u l l o n R. The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710-1714). London, 1953 (далее: Суттон). С. 65.
10. Тейльс В. Известия, служащие к истории Карла XII... М., 1789 (далее ссылки: Тейльс). С. 19; ЦБ XI-1. С. 564; Суттон. С. 58, 65; Hurmuzaki E. Documente privitoare de la istoria Romanilor. Vol. VI g_u curesci. 1878 (далее ссылки: Хурмузаки). С. 84—85, 87, 115; La M o t r e y, A. de. Voyages en Anglois et en Francois ... en diverses Provinces et Places de la Prusse Ducale et Roiale, de la Russie, de la Pologne... A la Haye, 1732 (далее ссылки: Ла Мотрей-2). С. 25; Курат-2. С. 767.

11. ПБ XI-1.С. 564.
12. Курат. Статья. С. 43, 45. М о р о. С. 639.
13. ПБ XI-2. С. 34-38, 353, 371; Курат-1. С. 423-425; Курат. Статья. С. 42-43; Суттон. С. 62,76; Хурмузаки. С. 646; Моро. С. 634-635; РГ АДА, Сношения с Турцией, оп. 1. 1711, №6, л. 38-39.
14. ПБ XI-2. С. 372.
15. Юль. С. 372; ПБ XI-1. С. 569; Н.Г.Петр Великий на берегах Прута// Журнал министерства народного просвещения. 1847. Февраль. Отд. 2. С. 98-99; РГАДА, Кабинет Петра I, отдел I. кн. 13, л. 99 об. (далее ссылки: Аларт. История).
16. Курат-1. С. 478.
17. ПБ XI-2. С. 12.
18. La Motrey, A. de. Travels through Europe, Asia and into part of Africa. Vol. 2. London. 1723 (далее ссылки: Ла Мотрей-1).
19. Юль. С. 371.
20. Пушкин. С. 437.
21. Курат. Статья. С. 62.
22. Ла Мотрей-1. С. 11-12.
23. Ла Мотрей-2. С. 234 и подстрочное примечание.
24. Моро. С. 639-640.
25. ПБ XI-1.С. 314.
26. Ла Мотрей-1. С. 11-12.
27. ПБ XI-1.С. 313.
28. РГАДА, ф. 9, оп. 6, л. 8 об.
29. Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1881. С. 81.
30. Там же. С. 89.
31. Анисимов Е.А. ЕкатеринаI// Романовы. Исторические портреты. 1613—1762. Михаил Федорович-Петр III. М., 1997. С. 353.
32. Всеволодов И.В. Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем. М., 1990. С. 70.
33. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.; Л., 1945. С. 180.
34. Моро. С. 608-609.
35. Мышлаевский А.З. Война с Турцией 1711 года (Прутская операция). Материалы // Сборник военно-исторических материалов. Вып. XII. СПб., 1898 (далее ссылки: Сб. ВИМ). С. 330-331.
36. Poniatowski S. Remarques M. le Comte Poniatowski, seigneur polonais, lieutenant-general ci-devant au service de Suede et actuellement au service de Pologne, zur l'Histoire de Charles XII, roi de Suede, par M. de Voltaire. A la Haye. 1741 (далее ссылки: Понятовский). С. 97.

37. Суттон. С. 48, 54, 62-63; Ла Мотрей-1. С. 5; ПБ ХМ. С. 577.
38. Суттон. Предисловие. С. 5.
39. Там же. С. 55.
40. ПБ XI-1. С. 570.
41. Там же. С. 568-569; С у т т о н. С. 61, 76; Ла М о т р е й-2. С. 10.
42. ПБ X-1.С. 569; Суттон. С. 71. См. также: C ant emir. The History of Growth and Decoy of the Othman. London. 1734; Я к о в л е в. С. 15-24.
43. ПБ X-1. С. 570-571.
44. Моро. С. 646-647.
45. Юль. С. 368; Ла Мотрей-1. С. 12; Суттон. С. 65.
46. Defoe D. An Impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the Present Czar of Muscovy. London.,723. P. 330.
47. Понятовский. С. 117-124.
48. ПБ XI-1. С. 580.
49. Цит. по: Орешкова. С. 134.
50. La Motrey A. de Remarques historiques et critiques sur l'Histoire de Charles XII, roi de Suede, par M. de Voltaire- Pour servir de supplement a cet ouvrage. A Londres. 1732 (далее ссылки: Ла Мотрей. Замечания). С. 44.
51. ПБ XI-2. С. 391; Моро. С. 648; Суттон. С. 61, 69; Хурму за к и. С. 117.
52. ПБ XI-1. С. 578.
53. Курат-2. С. 496-504; Курат. Статья. С. 48.
54. Моро. С. 648.
55. РГАДА, ф. 89, оп. 3. 1711. № 17, л. 12 и об. Напечатано: Водарский. Рецензия. С. 210.
56. Ла Мотрей-1. Приложение. С. 9.
57. Ла Мотрей-2. Предисловие.
58. Суттон, С. 64-65. См. также: Хурмуз а к и. С. 95; Voltaire. Histoiiie de Charles XII, roi de Suede. A Basle. 1732. P. 246.
59. ПБ XI-2. С 580.
60. Письма Петра Великого, писанные генерал-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву ио большей части собственною государевою рукою, а иные с подлинников, М., 1774. С. XLVI.
61. Моро. С. 642.
62. ПБ XI-1.С. 316.
63. ПБ XI-1. С. 317.

64. Юль. С. 368.
65. ПБ XI-1. С. 580-581.
66. Сутгон. С. 65. См. также: Юль. С. 461.
67. Хурмузаки. С. 88. См. также: Сутгон. С. 66.
68. Моро. С. 642, 647; Сутгон. С. 59, 66, 67, 69.
69. Сутгон. С. 68-69.
70. ПБ XI-1. С. 578; Сутгон. С. 61.
71. ПБ XI-1. С. 583-584.
72. Там же. С. 354.
73. Сб. РИО. Т. 66. СПб., 1889. С. 74; Орешкова. С. 132.
74. ПБ XI-2. С. 351.
75. Там же. С. 352-353.
76. Моро. С. 642-643, 648; Хурмузаки. С. 109, 103; ПБ XI-2. С. 18.
77. ПБ XI-2. С. 365, 939-940.
78. Сутгон. С. 58, 62, 67.
79. ПБ XI-2. С. 375-376.
80. Там же. С. 453.
81. Сутгон. С. 71.
82. Тейльс. С. 25-26. См. также: письмо Барки (РГАДА, Сношения с Турцией, д. 13, д. 49-50); Аларт. История, л. 97.
83. См.: Водарский. Рецензия. С. 207-211.
84. Юль. С. 373.
85. Валишевский К. Петр Великий. Дело. М., 1990 (Репринт). С. 74.
86. Rabener J.G. Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Russlands. Leipzig. 1725. S. 217.
87. Nestesuranoi Iwan, par m.le b. Memoires du regne de Pierre le Grande... A la Haye. Amsterdam. Vol. 3. P. 362; Memoires du regne de Catherine, imperatrice... A la Haye. 1728. P. 29-32.
88. Ла Мотрей. Замечания. С. 43-44.
89. Ла Мотрей-2. С. 155-156.
90. Там же. С. 234 и подстрочное примечание.
91. Gordon of Achintoul A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia. Vol. II. Aberdeen, 1755. С. 28-31.
92. Bruce P.H. Memoirs of Peter Henry Bruce... London, 1782. С. 44.
93. Stahlin, Jacob von. Original Anekdoten von Peter dem Grossen Von Jacob von Stahlin. Leipzig,

1785. S. 382. Цит. по: Подъяпольская Е. П. К вопросу о достоверности письма Петра I с берегов Прута // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей. М.; Л., 1964 (далее: Подъяпольская). С. 316. Переводы на рус. яз.: Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом... СПб. СПб., 1786. Подлинные анекдоты Петра Великого... М., 1786.

94. Цит. по: ПБ XI-1. С. 314-315.

95. Подлинные анекдоты о Петре Великом... С. 79.

96. ПСЗ. Т. IV. СПб., 1830. С. 712, примечание 2.

97. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. III. М., 1788. С. 378-379.

98. Пушкин. С. 438.

99. Подъяпольская. С. 316.

100. ПБ XI-1. С. 314-315.

101. Павленко Н. И. Петр I. М., 2003. С. 197.

102. Подъяпольская. С. 316.

103. ПБ XI-1. С. 574 (комментарий написан Е. П. Подъяпольской).

104. ПБ X. С. 72, 382-383.

105. Ключевский В. О. Сочинения. Т. 4. М., 1958. С. 164-165.

106. Щербатов М. М. Ответ гражданина на речь, говоренную е[я] и [мператорского] в[еличества] обер-прокурором сената Неклюдовым по причине торжества шведского мира, 1790 сентября 5 числа // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 5. Отдел V. С. 46-47.

107. См.: ПБ XI-2. С. 37-38. Полный текст реляции Ренне см.: РГАДА, Кабинет Петра Великого, отд. 1 кн. 30, л. 45-46.

108. ПБ XI-1. С. 322-326.

109. РГАДА, Сношения с Турцией, оп. 1. 1711, № 8. л. 3 об.; ПБ XI-1. С. 326.

110. Du Mont. Corps universel diplomatique. Т. VIII. Partie I. P. 275-276; ПБ XI-1. С. 326. См. также: Сб РИО. Т. 34. С. 81.

111. ПБ XI-1. С. 326.

112. ПСЗ. № 2398.